

“БИСЕРМИНЫ”

Страну *бисерминов* бр. Иоанна* принято отождествлять с Хорезмом, на что, помимо общей географии “Истории...”, указывают названия городов *Ianicint, Barcin, Ornas* и титул главы государства *Altisoldan*. В российской историографической традиции это отождествление восходит ещё к Н.М.Карамзину¹.

В *bisermini* следует видеть искажённое тюркское *busurman /büsürmen*, происходящее из персидского *musulman*, в свою очередь происходящее из арабского “мусульмане” (множ. число). Возникновение *b-* на месте *m-* объясняется обычным тюркским чередованием *b-/m-*, а в данном случае имеет ещё и дополнительное объяснение как результат диссимиляции начальной *m* с *m* в середине слова. Переход *i* в *r* несколько более необычен, но, в общем-то, нередок в тюркских языках среднеазиатского ареала: сравните, например, диалектные формы типа: туркменское *musyrman*, уйгурское, казах., кирг. *musurman* - “мусульманин”². По-видимому, к какому-то среднеазиатскому источнику восходят, в конечном счёте, и формы турецкого (диал.) *müsürman*³, кумыкское, балкарское *busurman*⁴. Положение о среднеазиатских истоках рассматриваемой формы согласуется с традиционным отождествлением страны *Бисерминов* с Хорезмом.

Сложность представляет собой, однако, передача данного слова у бр. Иоанна как *Besermini / Bisermini*: здесь следует предполагать переднеязычную огласовку в языке-источнике (приведённые выше тюркские формы, кроме турецкой, имеют заднеязычный вокализм). В русских источниках XIII–XV веков встречается этнонимы *бесермены / бесурмены* (см. ниже), что, в принципе, может указывать на русский источник бр. Иоанна (русский переводчик - ?). Не исключено, впрочем, и другое объяснение, так как распространение данного слова не ограничено тюркскими и русским языками: праформе слова *Bisermini* почти точно соответствует венгерское (устар.) *böszörmeny* “мусульманин”, которое было зафиксировано в форме *bezermen* ещё в XIII

---

* Иоанн де Плано Карпини (1182–1252) – итальянский монах-путешественник. По поручению папы Иннокентия IV был отправлен в Монголию для сбора сведений о монголах. Через южную Россию, Хорезм, Семиречье добрался до ханской ставки. Отчет о поездке изложил в труде, где содержатся сведения о посещенных странах и народах. Имеется русский перевод книги под названием “История монгалов” (СПб, 1911). Предлагаемая статья комментирует термин “бисермины”, встречающийся в книге.

веке и поэтому не может рассматриваться как заимствованное из турецкого языка, а считается хазарским или печенежским заимствованием (с праформой типа *besermen / büsürman*)⁵.

Кроме того, это слово в той же огласовке присутствует сегодня в качестве этнонима в Предуралье, являясь названием (в том числе - и само-названием) говорящих на удмуртском языке бесермян (удм. *бесерман*), живущих в северных районах Удмуртии. Дialeкт удмуртского языка, на котором говорят бесермяне, стоит особняком в системе современных удмуртских диалектов, сближаясь по разным признакам с северными, южными и периферийно-южными диалектами⁶. Особенности материальной культуры бесермян (прежде всего — традиционная одежда) указывают на их чрезвычайно тесные связи в прошлом с чувашами⁷. Поэтому, очевидно, не случайно в XVI—XVII веках предков бесермян, живших по р.Чепца, называли в русских документах *чуваша*⁸. В то же время некоторые особенности духовной культуры бесермян могут свидетельствовать об их тесных контактах в прошлом с мусульманами или даже о былом исповедании их предками ислама⁹, например, использование исламских (арабских) формул обращения к богу в бесермянских языческих молитвах¹⁰. Ещё одна особенность культуры бесермян — то обстоятельство, что несмотря на малочисленность и дисперсное расселение этой группы, они очень четко отделяют себя (точнее — в известной степени дистанцируются) от окружающих народов — удмуртов и татар.

В русских источниках XIV—XV веков, касающихся территории бывшей Волжской Булгарии, *бесермены* неоднократно упоминаются как определённая, отличная от *татар*, *черемисов* (марийцев), *мордвы* группа местного населения, в особенности — некоторых городов (Булгар, Казань, Джукетау). Поскольку под *татарами* русские источники этого времени имеют в виду безусловно мусульманское население, в *бесерменах* (= “мусульмане”) следует, по-видимому, видеть не конфессиональную, а этническую группу, скорее всего — каких-то потомков булгар¹¹. Постепенное исчезновение этого этнонима, вероятно, связано с кипчакизацией населения бывшей Волжской Булгарии, происходившей в XIV-XV веках¹², в ходе которой в Казанском Поволжье распространение получили такие названия как *мусульмане* (по конфессиональному признаку), *тюрки* (по этноязыковому признаку) и *татары* (первоначально — экзоэтноним, принесённый вместе с монгольским нашествием и служивший с XIII в., прежде всего — у русских, для обозначения разнообразного по происхождению тюркского (кипчакоязычного) населения Золотой Орды, затем — Казанского Ханства). Характерно, что ещё в первой половине XVI в. казанские татары предпочитали называться *besermani*, а не *turki*¹³, что свидетельствует о длительном сохранении высокого статуса у рассматриваемого здесь имени.

Какая-то часть булгарских *бесермен* вошла в состав каринских (чепецких) татар, как об этом свидетельствуют исторические документы и данные татарских генеалогических преданий-*шежере*¹⁴. По-видимому, их происхождение следует связывать с районами Заказанья (г.Арск, тат. *Арча*, букв.

“задний, тыловой”), откуда *бесермены* в XIV–XVI веках, спасаясь от феодальной уособицы в Золотой Орде, набегов русских ушкуйников и князей и, наконец, вследствие разгрома Золотой Орды и – в том числе – территории бывшей Волжской Булгарии Тамерланом в конце XIII в., переселились вверх по Вятке, в низовья Чепцы, в район, который, возможно, ещё в домонгольское или непосредственно в постмонгольское время был освоен болгарскими купцами и колонистами (известен надмогильный камень с болгарской надписью 1323 г. из деревни Гордино Базелинского района Удмуртской Республики). Уже во второй половине XV в. в русских документах фиксируются на нижней Чепце татарские арские (позже – каринские, от названия села Карино Слободского района Кировской области) князья, происхождение которых безусловно следует связывать с г. Арском¹⁵.

При переселении (точнее, вероятно, – перенесении резиденции) из Арска на север “князья” должны были вывести с собой и часть зависимого населения. Уже с 1511 г. наряду с арянами (видимо – предки чепецких татар, выходцы из Арской земли) и *вотьяками* (удмурты) в качестве зависимого от арских князей населения окрестностей с. Карино на нижней Чепце упоминаются в русских документах *чуваши* или (с 1547 г.) *чуваши* арские, который в XVII в. постепенно заменяется названием *бесермяне* – речь идёт уже о предках современных *бесермян*¹⁶.

Очевидно, ещё на территории Арской земли болгары-*бесермены* должны были иметь тесные контакты с южными группами удмуртов, древними жителями этих мест. В бытовавших среди завятских удмуртов (сегодняшние Кукморский и Балтасинский районы Республики Татарстан) легендах о былом пребывании в Арске “удмуртского царя” (удм. *udmurt eksej*)¹⁷ сохранилась, очевидно, память о подчинении местного удмуртского населения татарским (resp. – болгарским) властям Арска. Не исключено, что какая-то часть южных удмуртов, находившаяся с *бесерменами* в особо тесном контакте, переняла у господствующей группы определённые черты материальной и духовной культуры (в том числе – и какие-то элементы ислама) и этноним, начав называть себя *beserman*. Именно эта группа могла быть известна под именем *чуваши арской* русских документов, относящихся как к Арской земле¹⁸, так и к нижней Чепце (см. выше), и именно с ней следует связывать происхождение *бесермян*. Такая схема позволяет объяснить все особенности культуры *бесермян* (следы мусульманского влияния, близость традиционного костюма к чувашскому – благодаря общему болгарскому источнику обоих костюмных комплексов, чёткое дистанцирование и от татар, и от удмуртов) и их языка (черты периферийно-южных диалектов восходят к языку удмуртов Арской земли, черты северных появились в результате более поздних контактов, в то же время отсутствует субстратный тюркский пласт).

В XVII–XIX веках часть *бесермян* – в особенности та, что проживала на территории Кировской области – была, безусловно, ассимилирована татарами и перешла в ислам. То обстоятельство, что этноним *beserman* при этом исчез, а также то, что в документах XIV–XV веков *бесермены*, жившие на территории бывшей Волжской Булгарии отделялись от мусульман-*татар*,

кажется достаточно странным: ведь в обоих случаях этноним, изначально означавший “мусульмане” очевидно служит для выделения данной группы среди окружающего мусульманского же населения! Необходимо, кроме того, объяснить причины распространения среднеазиатского по происхождению названия в Волго-Камском регионе и высокий статус этого названия.

По-видимому, истоки термина *бесермен* и особенностей его употребления следует искать в обстоятельствах исламизации Волжской Булгарии. Интересен в этом плане следующий отрывок из сообщения о пребывании Ибн Фадлана в Волжской Булгарии: “Муэдзин, призывая к молитве, провозглашал *икаму* дважды. А я [Ибн Фадлан] сказал ему [царю]: “Право же, господин твой, повелитель правоверных, в своем доме провозглашает *икаму* один раз”. Тогда он сказал муэдзину: “Прими [к исполнению] то, что он говорит тебе, и не противоречь ему...” Затем следует рассказ о требовании царя болгар выдать ему деньги, якобы присланные халифом с посольством Ибн Фадлана, которых у Ибн Фадлана не было, и “...когда же он [царь] был приведен в отчаяние относительно этого, то дал распоряжение муэдзину, чтобы он провозглашал *икаму* дважды, и он [муэдзин] это сделал. А он [царь] хотел этим путем привести его к диспуту [обсуждению] со мной. Итак, когда я услышал, что он удваивал *икаму*, я запретил ему и закричал на него”. Затем Ибн Фадлан и его спутники были обвинены царем в обмане, и им было сказано, что “я [царь] не принимаю от вас [помощи] в деле своей веры, пока не придет ко мне такой [человек], кто будет правдив со мной в том, что он говорит” и т. д.¹⁹.

Провозглашение *икамы* (второго призыва к молитве) дважды в данном случае соответствует учению ханифитов, которое в X в. было господствующим в Хорезме, в то время как в Багдаде, согласно шафиитскому обряду, *икама* провозглашалась один раз, — в этом суть конфликта между Ибн Фадланом и болгарскими священнослужителями. Это свидетельствует о том, что до официального принятия ислама из Багдада в 922 г., он уже был распространен среди правящих кругов Волжской Булгарии, причем принят он был от ханифитов Хорезма²⁰. Вместе с исламом должно было быть принесено и слово *besermen* “мусульмане” в специфической среднеазиатской огласовке, которым новообращенные мусульмане Волжской Булгарии могли начать называть себя уже в начале X в.

Можно предположить, что представители болгарской знати, принявшие уже ранее ислам “среднеазиатского образца”, после официального принятия ислама в Булгарии в 922 г. продолжали использовать старый термин *besermen*, противопоставляя себя, как своего рода “староверов”, остальной массе новообращенных мусульман. Появление особого самоназвания способствовало дальнейшему выделению первоначально чисто конфессиональной и социальной группы, и позже, в период кипчакизации населения бывшей Волжской Булгарии, этот термин мог уже использоваться в качестве этнонима, обозначающего потомков болгар (булгарской знати) в отличие от кипчаков-*татар* и других этнических групп. При этом данный этноним, естественно, оставался достаточно престижным, что способствовало его

принятию и некоторым группами зависимого населения, как это, очевидно, случилось с южными удмуртами - предками бесермян.

Таким образом, имеющиеся материалы подтверждают возможность существования в X-XIII веках в Хорезме какой-то конфессиональной или этно-конфессиональной группы, называвшейся *bisermen* "мусульмане". К этому названию могут восходить слово *Bisermini* в сообщении бр. Иоанна, венгерское (уст.) *böszörmény* "мусульманин" (при печенежском или ином посредстве), русское *бесермен / бесурман* — название этно-социальной группы населения бывшей Волжской Булгарии и самоназвание бесермян (*beserman*) (оба последних слова — через болгарское посредство).

1. Карамзин Н.М. История государства Российского. СПб, 1817. Т.4. С.304.
2. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика. М., 1984. С.349.
3. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Перевод с немецкого и дополнения О.Н.Трубачева. М., 1986. Т.I. С.252.
4. Räsänen M. Versuch eines etimologischen Wörterbuchs der Türkischen Sprachen. Helsinki, 1969. S. 90.
5. Magyar-nyelv Történeti - etimológiai szótára. Budapest, 1967. Т.I. S. 365.
6. Кельмаков В.К. Язык бесермян в системе удмуртских диалектов // XVII Всесоюзная финно-угорская конференция. Ижевск, 1987. Т.1.
7. Белицер В.Н. К вопросу о происхождении бесермян // Труды Института этнографии. М.— Л., 1947. Вып. I.
8. Тепляшина Т.И. О смешении терминов "чуваши" и "бесермяне" в письменных источниках // Ученые записки Чувашского НИИЯЛИ. Чебоксары, 1968. Вып. 40.
9. Владыкин В.Е. Из истории религиозного синкретизма у удмуртов // Мировоззрение финно-угорских народов. Новосибирск, 1990. С.37–38.
10. Wichmann V. Wotjakische Sprachproben. III // Journal de la Société Finno-Ougrienne, 11. Helsinki, 1893, S. 167–168.
11. Тихомиров М.Н. Бесермяне в русских источниках // Исследования по отечественному источниковедению. М.—Л., 1964. С. 51–56. Труды Ленинградского отделения Института истории АН СССР. Т. 7.
12. См.: Ахметзянов М.И. Кипчакский компонент в этногенезе татар Поволжья и Приуралья // Идел. Казань, 1992. С.3–4.
13. Герберштейн С. Записки о московитских делах. СПб, 1908. С. 151.
14. Мухамедова Р.Г. Чепецкие татары // Новое в этнографических исследованиях татарского народа. Казань, 1978. С.9–10; Ахметзянов М.И. Указ.соч. С. 64–65.
15. Сорокин П. М. Арские князья в Карино // Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1895 г. Вятка, 1884.
16. Мухамедова Р.Г. Указ. соч. С.9–10; Тепляшина Т.И. Указ. соч.
17. Худяков М.Г. Вотские родовые деления // Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии при Казанском университете. Казань, 1920. Т.30. Вып. 3. С. 346.
18. История Татарии в документах и материалах. М., 1937. С.117.
19. Крачковский И. Ю. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. Перевод и комментарий. М.— Л., 1939. С.69–70.
20. Фахрутдинов Р.Г. Очерки по истории. Волжский Булгарии. М., 1984. С. 80–81.